

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 5, pp. 1456–1464, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1456-1464
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.22

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1456-1464

Воинские коллизии в Багацохуровском цикле эпоса «Джангар»

Данара Владимировна Убушиева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-5547-4006. E-mail: bib.danara@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Убушиева Д. В., 2020

Аннотация. *Введение.* Эпический нарратив Багацохуровского цикла (1853–1862) основывается на архаическом мотивном фонде, что прослеживается в теме воинских коллизий. *Цель и задачи исследования* — рассмотреть основные темы воинских коллизий. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: определение типа героя (герой-первопредок или герой-воин), обозначение функций богатырского коня и оружия, обозначение форм боя, обозначение эпического фона. *Материалы и методы.* В качестве материала исследования выступают песни Багацохуровского цикла. В работе применялись сравнительно-сопоставительный, текстологический, аналитический методы исследования. *Результаты.* Сюжеты и мотивы данной темы, по сути, являются симбиозом архаических и героических линий. Прологи песен цикла сформированы в рамках мифологической интерпретации событий, а сюжеты песен, хотя и посвящены подвигам богатырей, что определяет воинский, героический характер цикла, еще зависимы от волшебного-мифологических мотивов. В герое-воине еще прослеживаются рудименты образа героя-первопредка, что объясняет отсутствие в цикле важных звеньев героического эпоса — таких мотивов, как чудесное рождение героя и героическое детство. Богатырский конь и оружие все еще являются предназначенными, а последнее к тому же осуществляет функцию вместилища внешней души богатыря. Эпический фон также двояк, если в прологе — это эпоха первотворения, то в сюжете песен — это время консолидации различных этносов. *Выводы.* Багацохуровский цикл эпоса «Джангар» отражает переход от «малой» эпической формы к «большой», эволюцию от первоначального ядра архаического эпоса к завершающей «концентрической» циклизации эпоса героического.

Ключевые слова: архаический эпос, героический эпос, калмыцкий эпос «Джангар», Багацохуровский цикл, тема, воинские коллизии, мотив

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации АААА–А19–119011490036–1).

Для цитирования: Убушиева Д. В. Воинские коллизии в Багацохуровском цикле эпоса «Джангар» // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1456–1464. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1456-1464

UDC 398.22

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1456-1464

Baga-Tsokhor Cycle of the *Jangar*: Military Collisions Reviewed

Danara V. Ubushieva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-5547-4006. E-mail: bib.danara@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Ubushieva D. V., 2020

Abstract. *Introduction.* The epic narrative of the early Baga-Tsokhor cycle (1853-1862), being heroic in nature, is based on archaic motifs which can also be traced through the topic of military conflicts. *Goals.* The study aims to consider the main sections of military conflicts, and the following tasks be solved thereto: typological identification of a hero ('forefather hero' or 'warrior hero'); designation of functions attributed to the war horse and weapons; delineation of combat forms and symbolic epic backgrounds. *Materials and Methods.* The paper analyzes texts of the early Baga-Tsokhor cycle of the Kalmyk *Jangar* epic. The work employs comparative, textual, and analytical research methods. *Results.* In fact, plots and motifs of this topic are a symbiosis of archaic and heroic lines. Prologues to the songs of the Cycle are formed as part of a mythological interpretation of events, and the plots of the songs — although devoted to exploits of the heroes, which determines a military, heroic nature of the cycle — are still dependent on magical mythological motifs. The warrior hero still possesses rudiments of the image typical for the first-born ('forefather') hero, which explains the absence of important links of the heroic epic, e.g. motifs of miraculous birth and heroic childhood. The war horse and weapons are still destined, and the latter also serve as an accommodation for the external soul of the hero. The epic background is also twofold: while the prologue describes the primordial era, the plot deals with the time of consolidation of various ethnic groups. *Conclusions.* It can be presumed that the Baga-Tsokhor cycle of the epic reflects a transition from a 'small' epic form to a 'large' one, an evolution from the original core of the archaic epic to the final 'concentric' cyclization of the heroic narrative.

Keywords: archaic epic, heroic epic, Kalmyk epic of *Jangar*, Baga-Tsokhor cycle, theme, military conflicts, motif

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Ubushieva D. V. Baga-Tsokhor Cycle of the *Jangar*: Military Collisions Reviewed. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1456–1464. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1456-1464

Введение

Багацохуровский цикл калмыцкого эпоса «Джангар» сохранил наибольшее количество кодов и представлений из мифологии и архаического эпоса, но при этом все же является героическим эпосом. Е. М. Мелетинский утверждает, что первоисточником героического эпоса является народный эпос

доклассового общества и что с использованием традиций общинно-родового строя связано как сохранение сюжетных элементов, так и «формирование самих эпических идеалов, особой эпической гармоничности, составляющей неповторимую красоту героического эпоса» [Мелетинский 2004: 19]. Отечественными и зарубежными фолькло-

ристами тема воинских коллизий исследуется как одна из ядерных тем в эпическом сюжетосложении. Данная тема в славянском эпосе изучена Б. Н. Путиловым, ученый отмечает, что в славянском эпосе некоторые значимые темы входят в состав других тем, например «чудесное рождение и богатырский рост», «получение богатырской силы и нужзвимости», «обретение богатырского оружия и коня», «первый подвиг героя», «временное пленение героя и освобождение его из плена» [Путилов 1999: 29]. Воинские коллизии эпоса о Джангаре в калмыцкой и синьзян-ойратской традициях изучены А. Ш. Кичиковым, им выделено два основных события: ретардирующее (мотивировка поездки, выбор и подготовка богатыря к походу) и центральное (вхождение в опасный локус, подготовка и захват / угон объекта добычи) [Кичиков 1997: 290]. Е. Э. Хабуновой рассмотрена богатырская биография, где выделены, как она замечает, моменты, раскрывающиеся в контексте подвига богатыря, такие как «...история рождения, богатырское детство, героическое сватовство и женитьба» [Хабунова 2006: 14]. Сюжеты о богатырских сражениях в бурятских версиях эпоса о Гэсэре изучены Л. С. Дампиловой и Е. Э. Хабуновой [Дампилова, Хабунова 2020]. Б. Б. Манджиевой в репертуаре сказителя Телтя Лиджиева выявлены следующие сюжетообразующие мотивы: угон табуна, ультиматум, богатырский поединок, временное поражение богатыря и ломка и починка копья [Манджиева 2020]. При составлении сюжетных классификаций или темно-мотивных указателей эпических произведений тема воинских коллизий также выделяется как один из основных разделов, что прослеживается в работах Х. Ясон [Ясон 2002], Н. В. Петрова [Петров 2007] и Ц. Б. Селеевой [Селеева 2013].

Цель и задачи исследования — рассмотреть отдельные разделы темы воинских коллизий. Для этого решены следующие задачи: определение типа героя (герой-первопредок или герой-воин); обозначение функций богатырского коня и оружия; обозначение форм боя; обозначение эпического фона.

Материалы и методы. В качестве материала исследования выступают песни Багацохуровского цикла, как одного из ранних

по времени фиксации циклов калмыцкого эпоса «Джангар», на основе которого рассматривается тема воинских коллизий. Для этого в работе применялись сравнительно-сопоставительный, текстологический, аналитический методы исследования.

Образ героя-первопредка

Переход от архаического эпоса к циклу героических песен о Джангаре произошел в тот период истории народа, когда для него были характерны занятия кочевым скотоводством и частые военные столкновения. Как замечено Е. М. Мелетинским, «...деятельность героя имеет сугубо воинский характер, а сюжеты — черты сказочных приключений» [Мелетинский 2004: 319].

Главной составляющей героического эпоса является сам герой, чей образ транслирует «народные идеалы». В Багацохуровском цикле эпический герой представлен как воин, но вместе с тем в его образе прослеживаются черты героя-первопредка, который является, по мнению Е. М. Мелетинского, «древнейшим образом фольклора», который зародился в фольклоре доклассового общества и в своей начальной форме древнее дуалистической мифологии и развитого шаманизма [Мелетинский 2004: 314]. Рудименты данного образа распознаются в одиночестве и сиротстве главного героя — Джангара¹:

I песнь² Багацохуровского цикла (далее — Б.Ц.) — 7 (27)³ ууēn 8 (1) dēdū boqdo jangyar: γazar dunda γaqca (2) genei: γalba dunda öñçin genei ‘В поколениях верховный богдо Джангар / На всей земле один, говорят, / Во всей вселенной сирота, говорят’⁴ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 7–8]

Отождествление Джангара с героем-первопредком объясняет отсутствие в цикле

¹ Подробнее см: [Убушиева 2020].

² Ранние записи песен даны без названий, для удобства здесь и далее будут использованы принятые сокращенные названия. Цифрами обозначены песни Багацохуровского цикла: I — «О Замбал-хане», II — «О Хара Кинесе», III — «О Шара Мангесе».

³ Первая цифра обозначает номер страницы в рукописи. Вторая цифра, помещенная в круглые скобки, обозначает номер строки на странице.

⁴ Здесь и далее перевод автора данной статьи Д. В. Убушиевой.

такого важного звена эпической биографии героя, как героическое детство. По единому мнению эпосоведов В. М. Жирмунского, Е. М. Мелетинского и С. Ю. Неклюдова, героическое детство является поздним компонентом эпической структуры. По заключению С. Ю. Неклюдова, древние эпические образования не включают структурированных и формульных описаний героического детства [Неклюдов 2015: 81]. Отсутствие героического детства не мешает циклу развиваться в русле героической эпикей. Так, в песнях приводятся родословные богатырей, что является поздним включением в эпос и отражает родоплеменные традиции калмыцкого этноса:

І песнь Б. Ц. — 7 (23) takil zulu xāni (24) jīcini tangsaq bumba xāni ačini (25) ūzang mala aldar xāni or ʔaqca (26) kŭbŭn ‘Такил Зула-хана правнук, / Тангсаг Бумба-хана внук, / Узюнг Мала, славного хана, / Единственный сын’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 7]

Предназначенность богатырского коня и оружия

Трансформации подверглись и мотивы, связанные с конем. Наряду с предназначенностью богатырю, способностью превращаться в плохонького жеребенка и владением человеческой речью богатырский конь — это теперь и верный друг, который не оставляет раненого богатыря на поле битвы: если не может сам ему помочь, призывает на помощь дружину. По мнению Е. М. Мелетинского, эпическая идеализация богатырского коня отражает культ коня и представления скотоводческого общества, в том числе о боевом коне всадника-воина [Мелетинский 2004: 333].

В песнях цикла подробно описаны выбор и поимка коня из табуна, а также его выстойка и седлание. Например, в песне «О Замбал-хане» описан выбор богатырского коня с приглашением знатоков по конским зубам:

І песнь Б. Ц. — 12 (29) tŭlun nasunduni usun (30) maxuni kŭcĕgĕd: (13) 1 šŭdŭči: enngŭn dŏčŭn xoyor noyoni šŭdŭči: (2) nartu delkĕn oron-du dŏrbŏn zŭgŭn xadŭdŭn (3) erken sain šŭdŭčŭni elčŭr cuqlŭlād: (4) ezen dĕdŭ boqduni šara cŏxor bumbulbain (5) ūdŭdŭni xāxu dŭnggei ʔazartu deldŭlŭq- (6) sen: xadaq

šara altan taqŭn amun dĕre: (7) xān ʔangʔarŭn zarilayār: xari xadŭdŭn (8) šŭdŭčŭnerŭgi xarayaldŭlan xamtu zoqsŏ- (9) ʔād: tungŭyŭ gŭni unuʔun tŭrŭn erke (10) xurdun zĕrdyigi: tŭlun nasutai biyĕni: (11) šara torʔon noqtārŭn noqtulād šajini zurŭān (12) mingŭyun arban xoyor bāturtayān: šara cŏxor (13) bumbulbayāsan ʔarčŭ angxarba ‘В пятилетнем возрасте воды и мясо его окрепли. / Четырех державных ханов знатоков конских зубов, / Обыкновенных сорока двух нойонов знатоков конских зубов, / Всех земных стран / Ханов четырёх сторон, / Самых лучших знатоков конских зубов собрав через посыльных, / Владыки верховного богдо / У дверей жёлто-пёстрого дворца, / Распростершегося на расстояние полёта стрелы, / На прочном жёлто-золотистом мосту / По велению Джангар-хана / Чужеземных ханов знатоков конских зубов / Вместе собрав и выстроив, / Жеребёнка отстоявшейся кобылицы, / Самого быстрого Зерде, / Пятилетнего, / Жёлтым шёлковым недоуздом взнузданного, / С жёлтой веры шестью тысячами двенадцатью богатырями / Вышел из жёлто-пёстрого дворца осмотреть [Джангар]’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 12–13]

Данное описание содержит явное напластование поздних мотивов, отражающих традиционный быт кочевников, в котором конь играл очень важную роль.

Наиболее трудные боевые походы совершаются на аранзале Зерде, и не обязательно самим Джангаром, в двух песнях цикла аранзал Зерде вверяется богатырю Хонгору:

І песнь Б. Ц. — 49 (1) xurdun (2) saixan zĕrdĕn xairin bolba ‘Быстрого прекрасного Зерде своего соблаговолил отдать’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 49]

Джангар дорожит своим Зерде и доверяет его только одному Хонгору, считая равным себе:

ІІ песнь Б. Ц. — 28 (8) amin mettŭ ōbŏreleqsŭn gergenesen dotolduq ese (9) bilŭ bi ōnčŭleqsŭn ʔaqcaxan kŭbŭnesŭn dotolduq ese bilŭ bi eberenen (10) amin ulan ʔol: asar ulan xongʔor xoyŭlan alkini dotolxobi: alikini ʔazal- (11) xubi ‘Как жизнь свою оберегаемый, / Не считал ли я ближе жены своей? /

Не считал ли я ближе своего сына сиротки единственного? / Свою собственную жизнь или бесстрашного Алого Хонгора, / Какую из них я должен оберегать или какой пренебречь? [РО БВФ СПбГУ. *Calm. C. 17. Л. 28*]

В эпосе у каждого богатыря есть свой предназначенный конь, который едва ли уступает аранзалу Зерде в выносливости и преданности своему хозяину. Предназначенность не имеет наглядных отражений в текстах песен, являясь таковой априори. А. Ш. Кичиков отмечает, что все циклы «Джангара» едины в том, что по коням узнают богатырей и наоборот [Кичиков 1976: 96]. В описании и воспевании коня в эпосе отражена его особая роль в жизни кочевников.

Вместе с предназначенным конем богатырь имеет и предназначенное оружие. Первое упоминание о боевом оружии богатыря в эпических песнях отмечается в описании-представлении героя, наряду с родословной и боевым скакуном. В цикле предназначенным оружием определено копье Джангара:

II песнь Б. Ц. — 3 (30) *amindēn xadaɣalaqsun aɣar zandan 4 (1) aram* ‘Предназначенное агар-сандаловое копье’ [РО БВФ СПбГУ. *Calm. C. 17. Л. 3–4*]

Копье Джангара, в отличие от аранзала Зерде и меча, не передается во временное пользование ни богатырю Хонгору, ни кому-либо другому:

III песнь Б. Ц. — 41 (22) *almas bolodār ireleqsən sur bolodār sungyuqsan maxan bolo- (23) dōr mörgöleqsən: zangyād orkixuni zār tūbīn oron doqdoldoq: dokād orkiqsun (24) caqtu dolōn oroni šulmu doro dorōn dōrōi-codüq: tal bolūduni tabun küçitei (25) nomīn sakūsü sileqsən altatai zandan mišil mini abaci geji aldar boqdoni (26) zarliq bolba* ‘Из [крепкой, словно] алмаз, стали лезвие имеющий, / Из стали, тянувшейся, как кожа, кованный, / Из чистой стали обух имеющий, / Если замахнуться им, / Страны материка Замбатиб содрогаются, / В момент, когда опускается он, / Шулуусов семи стран / К стрелам преклоняет, / На каждой из граней его / Пять мантр выгравированы, / Возьми мой золотой сандаловый меч! — повелел’ [РО БВФ СПбГУ. *Calm. C. 17. Л. 41*]

Копье Джангара, как было уже сказано, не передается во временное пользование даже Хонгору. Это связано с тем, что наконецник копья является хранилищем внешней души:

II песнь Б. Ц. — 18 (5) *tömör sumun amiçi (6) ken batalād öqsən bi: ‘Жизнь твою, что в наконецнике стрелы, / Кто оберегал?’* [РО БВФ СПбГУ. *Calm. C. 17. Л. 18*]

Богатырский пир

Эпический фон, отражающий специфические напластования определенных отрезков исторического времени, играет важную роль в эволюции эпических сказаний. Одной из реалий исторического времени, соотносимых с героическим прошлым калмыцкого народа, является богатырский пир. Именно во время пира происходит завязка действия эпической песни. Р. С. Липец отмечает, что эпические пиры представляют собой не только развлечение, но и отражают одну из основных форм расплаты властителя с дружиной — именно «кормление» ее [Липец 1984: 26]. В калмыцком эпосе «кормление» также является одной из причин устройства пира, что отражает военное историческое прошлое калмыков. Неизменные атрибуты угощения на пиру — мясо и арза:

I песнь Б. Ц. — 11 (22) *aldar noyon boqdoni xairi- (23) ni alaɣ buyuın darām dēji: xara darcaq (24) arza: mönkkö dōrbūn caqtu tasaral ügei (25) xairildaɣ* ‘Славного нойона богдо милость — / Подношение из мяса маралов и крепкой арзы / Не иссякало в вечные четыре времени никогда’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 11]

Пир чаще всего устраиваются в честь победы над врагом:

II песнь Б. Ц. — 37 (17) *baysaxalang jiraɣalanngīn xūrim (18) keye: baxatamjitei batu nair keye: araza arki dējēn abād: meng šara (19) altan xabxāni mini aman-du: nige kümün üldül ügei cuɣuluqtan gēd: (20) dōrbōn anggi elçi talibēd okoba* ‘Радостный и счастливый пир устроим! / Усладу доставляющее гулянье устроим! / Арзу, араку и подношение захватив, / У желто-золотых ворот моих, / Все до одного собирайтесь! — с таким повелением отправил посланцев по четырем сторонам’ [РО БВФ СПбГУ. *Calm. C. 17. Л. 37*]

Отголоском древней традиции устройства пиршеств является отмеченный Р. С. Липец «архаичный институт общественных пиров» [Липец 1984: 28], который зафиксирован в Багацохуровском цикле. Общественные пиры, на которые собирались более семидесяти племен, князья и богатыри из ста стран, ханы шести сторон организовывали в складчину:

II песнь Б. Ц. — 38 (1) zūn oronī noyodūd bāturmūd zuruq boluqsan šara cōxor baiši- (2) nngīni ūden-dū zoqsol ügei cuqluraba: zuryān xādūd zuruq (3) boluqsan šara cōxor baišinnngīni ūden-dū arki dējītēgen irēd (4) aliki sanasāran jīraγasaγāba ‘Нойоны и богатыри из ста стран / У дверей, словно прекрасная картина, жёлто-пёстрого дворца / Беспорывно собирались. / Шесть ханов / К дверям, словно прекрасная картина, жёлто-пёстрого дворца, / Араку и подношение подвозили, / И в счастье пребывали’ [РО БВФ СПбГУ. *Calm. C. 17. Л. 38*]

Примечательно, что в Багацохуровском цикле отражен трансформированный рудимент закрытого родового пира, в котором не участвуют иноземцы. На таких пирах присутствуют только богатыри и Джангар:

I песнь Б. Ц. — 59 (20) šara cōxur bumbulbaini (21) dotoroni: šarīn zuryān mingyun (22) arban xoyor bātartaiγān arzīn (23) sūri dotoroni sūn jīγabai ‘Внутри жёлто-пёстрого дворца / С жёлтой веры шестью тысячами и двенадцатью богатырями своими, / На пиру счастливо восседал [Джангар]’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 59]

На эпических пирах, кроме богатырей, присутствуют распорядители пиров, прислужники, музыканты, танцоры и певцы. В Багацохуровском цикле представлено наибольшее по сравнению с другими циклами эпоса количество лиц, непосредственно отвечающих за проведение пиров в ставке Джангара.

Распорядителем пиров является златоуст богатырь Ке Джилган:

I песнь Б. Ц. — 25 (10) ūdūni xoyor mingyun ar- (11) salahggini: darγani keleqsan ügēn(12) eblen geji kelnī arsan köndöröqsün (13) kei jilbang noyon axalād sūdaq ‘У двух тысяч дверных стражников, / Дарга, говорящий так искусно, / Что кожа мо-

жет слезть с языка, / Это нойон Ке Джилган, возглавляя их, сидит’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 25]

В двух песнях цикла показан богач Сунгурва, который доставляет араку во дворец Джангара, сродни царскому виноделу:

I песнь Б. Ц. — 25 (14) bayn sungyurubīn bariūlaqsan kītin (15) xara arzīgi ... abnai ‘Богатым Сунгурвой поднесённую холодную чёрную арзу ... взял’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 25]

Как отмечает Р. С. Липец, наиболее значимая должность на пиру — это виночерпий. «Важность ее подчеркивается тем, что в „Джангаре“ виночерпий — отец самого прославленного батыра Хонгора, смело вступающий в пререкания с ханом ханов Джангаром» [Липец 1984: 30]. Образ виночерпия Бёке Мёнген Шигширге представлен во всех песнях цикла:

I песнь Б. Ц. — 25 (14) kītin (15) xara arzīgi bökö mönggön šiqsarge (16) barūn öböddōq dēren abanai ‘Холодную чёрную арзу / Бёке Мёнген Шигширге / На правое колено взял’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 25]

Пиры не обходятся без выступлений музыкантов, певцов и танцоров:

I песнь Б. Ц. — 25 (24) dūni gerelēr dūlūlbai: (25) dungsur gerel daxaba: talbān cecenēr (26) dombor cokūlba: tangsaq gerel bosād (27) bilibe: orčilunggīn miqmyānīgi 26 (1) cūr tata gebe ‘Дуни Герела попросили спеть, / Дунгсур Герел подхватил, / Талванг Цецен — на домбре заиграл, / Тангсаг Герел стал танцевать, / Прекраснейшего во вселенной Мингьяна попросили на сыграть на свирели’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 25]

Главным элементом героической эпика являются воинские коллизии. Динамическим началом сюжета, соответственно и воинских коллизий, являются ультимативные требования посла антагонистов или же предсказание ясновидца об угрозе. За этим следует выбор богатыря путем жребия или самовыдвижения. Здесь же, на пиру, сообщается о времени и месте встречи богатырей-антагонистов.

Сражения и схватки богатырей

Кульминационной фазой героического эпоса является эпическое противостояние — сражения и схватки богатырей. В Багацохуровском цикле показаны две основные формы боя — богатырские поединки и сражения войск.

В богатырские схватки, непременно с равным противником, обычно вступает богатырь Хонгор:

II песнь Б. Ц. — 22 (22) tabtei хойор күлүгән таq болтулни сōyād: дайни (23) olon lūbecīyān tai tataldād: būn sūn sūyād buyan arsun šalbūrān bulking talān (24) ebekēd: arsalanngīn sayixan mekēn yarayād: ali sayixan idēn yarayād: abalcaji yadalca- (25) ba: arā abādaçildaba: ara ömnōn öndān öndān selji cokoldaba: öigīn dundu (26) ulān dunnge хойор бāтур oncolduxalāni: oqtoryūgīn tibtu ulān tōsun dōr- (27) bōn күдүр саyān möçēren dōrbō köldēd unuqsun: ai tüberēn хойор-ni altan (28) delkēn oron doqdolba: urayōqsan utu zanda modon orōyōrān yazar (29) sabji yannghaba: abalcaji yadalcaji orkōd ‘Выстоявшихся двух скакунов путами крепко связав, / Многослойные боевые доспехи сняв с себя, / Приседая, привставая, / Штаны из маральей шкуры / К икрам закатав, / Хитрость львов проявляя, / Всю силу свою проявляя, / Схватились, / На спины закидывая, / Назад, вперед кидая, бились. / Когда посреди леса / Горам подобные два богатыря сошлись, / До небесного материка красная пыль [поднялась]. / Когда на четыре могучих конечности припали они, / От грохота и гула золотая Вселенная содрогнулась, / Выросшие сандаловые деревья / Макушками до земли склонились, / Но не могут одолеть [друг друга]’ [РО БВФ СПбГУ. *Calm. C. 17. Л. 22*]

Если богатырь Хонгор вступает в поединок словно борец, то Джангар участвует в ином виде схваток. Так, сражение с равным ему противником Хара Кинесом — это парный бой богатырей с копьями верхом на конях, словно на рыцарском турнире:

II песнь Б. Ц. — 31 (9) önggōrēd odoqson kinesin ardasani: olon buxu cereqten ortolni: (10) nige kölēren tobiri mönngōn köbcōq işkēd odba: nige kölēren tung zērdēnin (11) onngon delīni işkebe: aldar kinesīn amin ulān yolduni zöblēd: ayarı (12) zandan arman xād orokobo:

armin yurban mönngōn šiqširgēn dūn-lē: xadan dungge (13) xaratai xan kinesīgi xamduni xadād orokobo ‘За проскочившим Кинесом помчавшись, / Пока он в гуще своего войска не скрылся, / Одной ногой на седельную серебряную подушку наступив, / Другой ногой на гриву Зерде наступив, / В славного Кинеса жизненную красную основу целясь, / Агар-сандаловое копье метнул. / Вместе со звуком трех серебряных колец копья, / Подобного скале Хара и Хана Кинеса вместе, насквозь пронзило оно’ [РО БВФ СПбГУ. *Calm. C. 17. Л. 31*]

Также цикл демонстрирует сопротивление одного богатыря целому войску, этим отважным храбрецом может быть не только богатырь Хонгор, но и богатыри Савар и Санал:

II песнь Б. Ц. — 30 (8) šaldaq dōrbōn tümen bāтур möritei (9) jidetēgen: möridūni mordūlul ügei dabiliraba ‘На лучших четыре тумена богатырей, / С копьем напал [Савар], даже не дав им сесть на коней’ [РО БВФ СПбГУ. *Calm. C. 17. Л. 30*]

II песнь Б. Ц. — 32 (12) xurdun ulān būrulīni mini dōrbōn turūn möltü ese tusduq bol- (13) xani: utu zandan aram mini xuγu ese tusduq bolxuni: utusun dūngge (14) ulān γol mini tas ese tusxini: edenīgi ērē baiji yūma salyal ügei (15) eme künēsü doro kekü bi gebe: amin metü sanal mini arya ügei törō šajin хо- (16) yor mini çamdu geji zarliq bolod ‘Если резвого Улан Бурала моего четыре копыта не сотрутся, / Если длинное, как сандал, копье моё не поломаётся, / Если словно нить, красная основа моя не оборвётся, / Всех до единого удержать смогу! / Смирнее женщины их сделать смогу я! — сказал. / — Дорогой, как жизнь, Санал мой! / Другого выхода нет, / Держава и вера мои в твоих руках! — / Повелел [Джангар-хан]’ [РО БВФ СПбГУ. *Calm. C. 17. Л. 32*]

Кульминацией героического противостояния является масштабное сражение двух войск, в котором победа всегда остается за богатырями Джангара:

II песнь Б. Ц. — 30 (29) kümūni cusun: күлүгін cusun хойорту күлүq mörini öbdeqce bolba: (30) aldar kinesīn cereqni örōldōji

ükübe: zurγān mingyan bāturani örǰl- (31) döjǰ
 ükübe ‘Кровь людей и кровь лошадей ста-
 ла по коленный сустав скакунам. Славного
 Кинеса войско наполовину полегло. Шесть
 тысяч богатырей наполовину полегло’ [РО
 БВФ СПбГУ. *Calm. C. 17. Л. 30*]

Боевые сражения богатырей с про-
 тивниками названы Е. М. Мелетинским
 «специфическим проявлением богатырской
 энергии», которая «направлена не на пои-
 ски приключений и стычек с противниками,
 а приводится в действие определенной си-
 туацией: богатырь должен спасти себя или
 других людей, которые часто связаны с ним
 кровными узами или просто ищут у героя
 защиты. Совершаемые богатырем действия
 в основном соответствуют эпическим це-
 лям, имеющим в той или иной мере коллек-
 тивистский характер» [Мелетинский 2004:
 341–342].

Выводы. Эпический нарратив Багацо-
 хуровского цикла (1853–1862 гг.), являясь
 по характеру героическим, основывается
 на архаическом мотивном фонде, что под-
 тверждается при рассмотрении такой темы,

как воинские коллизии. Сюжеты и мотивы
 данной темы, по сути, являются симбиозом
 архаических и героических линий. Про-
 логи песен цикла сформированы в рамках
 мифологической интерпретации событий,
 а сюжеты песен, хотя и посвящены подвигам
 богатырей, что определяет воинский,
 героический характер цикла, еще зависимы
 от волшебного-мифологических мотивов. В
 герое-воине еще прослеживаются рудимен-
 ты образа героя-первопредка. Отсутствует
 одно из важных звеньев героического эпоса
 — мотив чудесного рождения героя и геро-
 ического детства. Богатырский конь и ору-
 жие все еще являются предназначенными,
 а последнее к тому же осуществляет функ-
 ции вместилища внешней души богатыря.
 Эпический фон также двояк, если в прологе
 — это эпоха первотворения, то в сюжете —
 это время консолидации различных этно-
 сов. Можно сказать, что Багацохуровский
 цикл эпоса «Джангар» отражает переход
 от «малой» эпической формы к «большой»,
 эволюцию от первоначального ядра архаи-
 ческого эпоса к завершающей «концентри-
 ческой» циклизации эпоса героического.

Источники

РО БВФ СПбГУ — Рукописный отдел Библио-
 теки Восточного факультета Санкт-Петер-
 бургского государственного университета.
 Olon bum burxan üde dumduni üdelegsen... (= Сотни тысяч бурханов в полдень пребывают в покое...) (Рукопись на ойратской письм.).
 НА РГО — Научный архив Русского географического общества. Песни и сказки Калмыцкого народа Астраханской Губернии Багацохуровского улуса // Оп. 1. Разряд 53. Д. 15. (Рукопись на ойратской письм.).

Литература

Дампилова, Хабунова 2020 — Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э. Сюжет о богатырском сражении в бурятских версиях эпоса о Гэсэре // Научный диалог. 2020. №. 7. С. 241–253.
 Кичиков 1976 — Кичиков А. Ш. Исследование героического эпоса «Джангар»: вопросы исторической поэтики. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 154 с.
 Кичиков 1997 — Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Вост. лит., 1997. 320 с.

Sources

Kalmyks of BagatsokhorovskyUlus, Astrakhan Governorate: Songs and Folktales. At: Russian Geographical Society, Scientific Archive. Cat. 1. Ser. 53. File 15. (In Oir.).
 Olon bum burxan üde dumduni üdelegsen: Hundreds of Thousands of Burkhans Rest in Peace at Noon. At: St. Petersburg State University, Faculty of Asian and African Studies (Library), Manuscript Department. *Calm. C. 17. File 1770. Pp. 1–28. Lines 30–31. (In Oir.)*

Липец 1984 — Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 262 с.
 Манджиева 2020 — Манджиева Б. Б. Сюжетообразующие мотивы в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева // Новый филологический вестник. 2020. №. 3 (54). С. 322–334.
 Мелетинский 2004 — Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М.: Вост. лит., 2004. 462 с.

- Неклюдов 2015 — Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. 216 с.
- Петров 2007 — Петров Н. В. Сюжетно-мотивный состав русского эпоса: модели эпического нарратива: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 26 с.
- Путилов 1999 — Путилов Б. Н. Эскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 288 с.
- Селеева 2013 — Селеева Ц. Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар». Элиста: КИГИ РАН, 2013. 276 с.
- Убушиева 2020 — Убушиева Д. В. Мотив одиночества в ранних циклах эпоса «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2020. № 3 (19). С. 55–62.
- Хабунова 2006 — Хабунова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д: Изд-во СК НЦ ВШ, 2006. 256 с.
- Ясон 2002 — Ясон Х. Модели и категории эпического нарратива / пер. с англ. И. Л. Тумаркиной, А. В. Козьмина // Живая Старина. 2002. № 2. С. 6–8.

References

- Dampilova L. S., Khabunova E. E. The plot of heroic battle in Buryat versions of Epic about Geser. *Nauchnyi Dialog (Scientific Dialogue)*. 2020. No. 7. Pp. 241–253. (In Russ.)
- Jason H. Models and categories of epic narrative. I. Tumarkina, A. Kozmin (transl.). *Zhivaya Starina*. 2002. No. 2. Pp. 6–8. (In Russ.)
- Khabunova E. E. Heroic Epic of Jangar: Poetic Constants of a Hero's Life Cycle. Comparative Insight into Ethnic Versions. Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center of Higher Education, 2006. 256 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Heroic Epic of Jangar: A Comparative Typological Study of the Monument. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. 320 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Investigating the Heroic Epic of Jangar: Issues of Historical Poetics. Elista: Kalmyk Book Publ., 1976. 154 p. (In Russ.)
- Lipets R. S. Epic Traditions of Turko-Mongols: Images of the Hero and His War Horse. Moscow: Nauka, 1984. 262 p. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Plot motifs in jangarchi Teltya Lidzhiev's epic repertory. *New Philological Bulletin*. 2020. No. 3 (54). Pp. 322–334. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. Genesis of Heroic Epic: Earliest Forms and Archaic Monuments. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. 462 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Poetics of Epic Narrative: Space and Time. Moscow: Forum, 2015. 216 p. (In Russ.)
- Petrov N. V. Plot and Motif Structures of the Russian Epic: Models of Epic Narrative. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 2007. 26 p. (In Russ.)
- Putilov B. N. Theory and History of the Slavic Epic: Introducing Notes. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 288 p. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. Kalmyk and Xinjiang Oirat Versions of the Jangar: Thematic Index. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2013. 276 p. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. The motif of loneliness in the early cycles of the Jangar epic. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series 'Epic Studies'*. 2020. No. 3 (19). Pp. 55–62. (In Russ.)

